
Доктор исторических наук
А. В. Предтеченский

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПУШКИНА

Мировоззрение Пушкина реалистично. Источником его идей всегда была сама жизнь во всем бесконечном многообразии ее конкретных форм. Всякая метафизика совершенно чужда великому поэту. Жизнь входила в сознание Пушкина, не искаженное никакими каноническими, оостеневшими нормами мышления и поведения. Жизненный опыт обобщался Пушкиным и вырабатывался в мировоззрение в мучительной борьбе. Многогранность Пушкина делала его восприимчивым ко всему многообразию жизни. Сложность и противоречивость жизненных явлений ставила перед ним вопросы, на которые он не находил готового ответа. Его приходилось искать самому. Путь был труден и наполнен многими срывами и ошибками. О них говорит сам поэт. В 1819 г. он писал: «Так исчезают заблужденья с измученной души моей».¹ О душевных муках говорит Пушкин и в более ранних стихотворениях. Например, в послании Горчакову (1817):

Душа полна невольной, грустной думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час — и одинок умру.²

В одной из элегий 1817 г., единственной включенной Пушкиным в сборник 1826 г., а следовательно, особенно им ценимой, он писал:

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё подымяю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон...³

¹ А. С. Пушкин. Возрождение. Соч., т. I, стр. 369.

² Там же. Князю А. М. Горчакову, стр. 250.

³ Там же, К***, стр. 311.

Хочется вспомнить при этом следующие слова Белинского: «...Грусть Пушкина не есть сладенькое чувствованье нежной, но слабой души; нет, это всегда грусть души мощной и крепкой... Пушкин никогда не расплывается в грустном чувстве; оно всегда звенит у него, но не заглушая гармонии других звуков души и не допуская его до монотонности».¹ В послании Чаадаеву в 1821 г. Пушкин писал:

Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный...²

Такие признания относятся к концу 10-х и началу 20-х годов, и немало усилий пришлось потратить поэту, прежде чем он вырвался из плена педобных настроений.

Одной из примечательнейших сторон пушкинского реалистического мировоззрения был его историзм. Любое явление он всегда рассматривает в движении и изменении. Всякое явление Пушкину представляется не в его непосредственной данности, а в сложной взаимосвязи и взаимодействии с другими. Эти другие явления рассматриваются им не только как существующие вместе с данным явлением, но и как предшествующие ему. Для Пушкина всякое явление предстает не в его статике, а в динамике, всякое явление продолжается. Так возникает непрерывность прошлого, настоящего и будущего.

В своей исторической концепции Пушкин далеко оставил за собой историков XVIII в., провозглашавших движущей силой исторического процесса разум и волю индивидуума, т. е. по существу отрицавших закономерность исторического процесса. Рационализм и метафизический материализм XVIII в. Пушкин преодолел. Пушкинская историческая концепция оставляет далеко позади и то понимание истории, которое лежало в основе взглядов современных ему историков, в лучшем случае улавливавших лишь некоторые закономерности процесса.

Обусловленность процесса во времени, т. е. связь каждого последующего периода с предшествующим и изучение тех изменений, какие происходят при смене этих периодов, их мало интересовали. Обусловленность процесса во времени неизбежно наталкивала бы на мысль об изменчивости сложившихся к их времени социально-экономических отношений и социально-экономического строя. Став на эту точку зрения, они должны были отказаться от провозглашения принципа вечности этих категорий.

Пушкин не пошел и не мог пойти за этими историками, так как ничто не могло быть ему более чуждо, чем убеждение в неизменности как феодально-крепостнической монархии, так и капиталистического строя, который уже сложился в одних странах Западной Европы или еще склады-

¹ В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Статья четвертая. Собр. соч., т. III, Гослитиздат, М., 1948, стр. 362.

² А. С. Пушкин. Чаадаеву. Соч., т. II, стр. 47.

вался в других. Если историк ставил своей задачей доказать незыблемость того или иного социально-политического строя, он становился чуждым Пушкину. Эпиграмма его по поводу «Истории Государства Российского» Карамзина должна быть рассматриваема не только как протест против реакционной политической тенденции сочинения Карамзина, но и как опровержение самой методологии его: невозможно было доказать историческую незыблемость самовластия.

Было бы, конечно, неверно представлять себе, что историческая концепция Пушкина, которой определялось его отношение к прошлому, настоящему и будущему, была внутренне совершенно установившейся. Это не так, и в историческом мировоззрении великого поэта было немало противоречивого. Эта противоречивость нашла свое выражение во многих его высказываниях.

Остановимся на одном, двух примерах. В исторических заметках, сделанных еще в начальной стадии идейного роста Пушкина (1822), он несомненно, преувеличивает роль личности Петра. Он рассматривает перемены, произведенные Петром, как переворот столь большой силы, что исторический процесс пошел по совершенно другому пути. Он пишет: «Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки».¹ Здесь как будто сознание непрерывности и закономерности процесса изменило Пушкину. Еще более отчетливо представление Пушкина о личности Петра, как о силе, опрокидывающей законы истории, сказалось в характеристике послепетровского периода, помещенной в тех же исторических заметках. «Ничтожные наследники северного исполина,— пишет Пушкин, — изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности...»²

Проходит три года после того, как были написаны исторические заметки, и в «Борисе Годунове» роль личности развенчивается. И Борис и самозванец вытесняются со сцены истории единственной подлинной движущей силой исторического процесса — народом. В «Борисе Годунове» народ не только главное, но в сущности единственное действующее лицо. Он незримо присутствует в трагедии даже тогда, когда сцена занята другими действующими лицами. Воля народа — единственная пружина всего действия, все персонажи трагедии в той или иной степени зависимы от этой силы.

Но проходит еще восемь лет, и в «Медном всаднике», в этом наиболее значительном, быть может, произведении Пушкина с точки зрения понимания историзма его мышления, снова личность Петра предстает в тех исполинских масштабах, какие намечены в исторических заметках. В «Мед-

¹ А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века, т. VIII, стр. 121.

² Там же, стр. 122.

ном всаднике» народ отсутствует вовсе — и как действующее лицо и как скрытая сила. Трагический конфликт в поэме разыгрывается в личном плане. Столкновение двух социально-политических сил показано как столкновение двух личностей. Страшная сила деспотизма отождествляется с Петром, Петр и деспотизм — понятия идентичные.

Так противоречив Пушкин в решении вопроса о движущих силах исторического процесса. Нельзя, конечно, не принять во внимание и то обстоятельство, что над образом Петра как личности тяготела сильная научная и бытовая традиция, что освободиться от нее было трудно не только Пушкину, но и людям гораздо более позднего времени.

Другой пример внутренней незаконченности исторической концепции Пушкина.

В исторических заметках он допускает возможность слияния противоборствующих социальных групп в единое целое. «Нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, — пишет он, — желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла».¹ Если под «желанием лучшего» подразумевать, как это следует из контекста, стремление освободить крестьян, то, с точки зрения Пушкина, это стремление свойственно всем сословиям, следовательно, и помещикам. Интересы крестьянства и дворянства, рассуждает Пушкин, могут совпасть. В «Истории Пугачева», созданной в 1833 г., не остается и следа от этой мысли. Там крестьяне и дворяне представлены как две борющиеся социальные группы, между которыми не может быть никакого единения.

Быть может, отсюда можно сделать вывод, что Пушкин впоследствии окончательно понял невозможность сочетать столь противоположные интересы, как интересы рабов и господ. Такой вывод был бы не совсем верен. В «Путешествии из Москвы в Петербург», написанном двумя годами позднее «Истории Пугачева», снова звучат мотивы примирения. И это, видимо, не сплошь фальшивые мотивы, вызванные цензурными соображениями.

Противоречивость Пушкина вытекает из той исторической ограниченности, которая была свойственна дворянину 20—30-х годов, приблизившемуся к революционному разрешению кризиса феодально-крепостнической монархии или даже вступившему на путь революционной борьбы. Но суждения Пушкина не были столь противоречивы, чтобы можно было говорить о их полной непримиримости, о том, что они исключают друг друга. Придя к мысли, что народные массы являются главной движущей силой истории, — а пришел к этой мысли Пушкин очень рано, — он уже не мог от нее отказаться. И если сила личности, с точки зрения Пушкина, иногда подавляла силу народной массы, то это было явлением временным и редким. Точно так же мысль о непримиримости интересов господ и рабов — а к этой мысли Пушкин пришел только к последним годам жизни — допускала лишь минутные сомнения и колебания.

¹ А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века, т. VIII, стр. 123.

Как было сказано, Пушкин историчен всегда, когда он говорит о себе, о людях, когда он всматривается своим гениально прозорливым взором в жизнь народа, в жизнь государства. Непрерывность жизненного процесса, связь прошлого, настоящего и будущего ощущается Пушкиным всегда. Великолепны по своему глубокому смыслу следующие строки из второй главы «Евгения Онегина» (1823), столь восхитившие Белинского, что ими он закончил свою статью о «Евгении Онегине»:

Увы! На жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут ...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас! ¹

Те же мысли, год от году становясь глубже и значительнее, заключены и в последующих произведениях. Таковы «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829), «Вновь я посетил» (1835). В стихотворении «Памятник», написанном в пору полной творческой и идейной зрелости поэта (1836), с необычайной яркостью сказалась историчность его мышления. Можно говорить, что в нем Пушкин не только определил свое место в истории, но и показал, какое место история занимает в его мировоззрении. Это произведение никак нельзя толковать, как непосредственно обращенное к самому себе. Это стихотворение не о поэте Пушкине, а об исторических судьбах поэтического творчества. В нем Пушкин самого себя рассматривает как бы сквозь историческую призму. Признание Пушкиным своим непосредственным предшественником Радищева с особой ясностью подчеркивает это.

Историзм мышления Пушкина раскрывается не только в его художественном и научном творчестве. Интересно в этом отношении его письмо к П. А. Плетневу, написанное в 1831 г., в котором Пушкин в нескольких шутливых и самых будничных словах изложил глубокую философско-историческую мысль. «Дельвиг умер,— пишет он,— Молчанов умер, погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо». ²

¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. II. Соч., т. V, стр. 53—54.

² А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 368.

Но, конечно, с наибольшей ясностью раскрывается историзм пушкинского мышления тогда, когда он имеет возможность говорить об истории в собственном смысле этого понятия. В эпилоге «Кавказского пленника», произведения еще юношески незрелого, поэт говорит о «преданьях грозного Кавказа». Изображение современных ему событий заставило его вспомнить и «Мстислава древний поединок», и те времена,

Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов...

и того, кто «губил, ничтожил племена»¹ Кавказа — Котляревского. Пушкин словно почувствовал, что если поэма будет заканчиваться бегством пленника, она останется незавершенной. Чтобы все стало на свои места, чтобы поэма приобрела внутреннюю законченность, надо было рассказ об эпизоде из жизни некоего безвестного человека, которому поэт даже не пожелал дать имени, вплести в историческую ткань. Так сразу же образ кавказского пленника приобретал совершенно конкретные и притом национальные черты.

Замечательные мысли, обнаруживающие тончайшее понимание сущности исторического процесса, были высказаны Пушкиным в стихотворении «К вельможе» (1830). Французская революция 1789 г. рисуется Пушкину событием такой громадной силы и значительности, что предшествующие ей явления, когда-то приковывавшие к себе внимание всего мира, тускнеют и теряют свое былое значение.

...Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон...

Замечательна мысль о законе, установленном свободой. «Преобразился мир при громах новой славы», — пишет Пушкин далее. Это не просто признание совершившегося переворота, но и признание его преобразующего значения. Новую страницу истории открыла собой революция. Имена многих людей оказались на уже перевернутых страницах книги истории.

Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причет,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, былое истребя.³

¹ А. С. Пушкин. Кавказский пленник, эпилог. Соч., т. IV, стр. 129 — 130.

² А. С. Пушкин. К вельможе. Соч., т. III, стр. 171.

³ Там же.

Просветители XVIII в. забыты. Но что им пришло на смену? Чем живет то новое, что утвердилось во Франции. Быть может, новые, более глубокие и более совершенные идеи родились в ней, идеи, в свете которых просветительство оказалось действительно устаревшим? Нет, это не так. Пришедшая после революции к власти буржуазия бессильна создать что-либо значительное. Ее внимание поглощено тем, что через короткое время так выразительно было сформулировано в лозунге Людовика-Филиппа — «Обогащайтесь!»

Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились младые поколения.
Жестоких опытов сбирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры
Иль спорить о стихах.¹

Так осквернена слава преображенного мира, так растоптан закон, добытый грозной свободой.

Совершенно исключительное значение для понимания историзма мышления Пушкина имеет «Медный всадник». Ни в одном произведении Пушкина прошлое и настоящее не сплетается столь тесно и неразрывно. Последовательность развития замысла этого произведения не может быть установлена, — Пушкин унес с собой в могилу эту тайну. От чего оттолкнулся Пушкин в создании «Медного всадника», — от 1824 г., который привел его к 1703 г., или, напротив, от 1703 г. пришел к 1824 г.? Вопросу этому, повидимому, навсегда суждено остаться без ясного и точного ответа. Но в одном можно быть уверенным: Пушкин воспринимал весь этот двадцатилетний промежуток времени как нечто неразрывное. Петр всегда рисовался Пушкину в двух планах: он и великий гений, преобразователь государства, но он и жестокий деспот, ни на минуту не выпускающий из своей руки кнута, которым он то полосует спины своих подданных, то пишет указы. Творческая сила Петра, вызвавшая к жизни Петербург, иссякла. Но разрушительная сила деспота, построившего город, который продолжает умерщвлять людей, как он их умерщвлял при своем основании, все еще живет. Петр-творец умер, но Петр-деспот продолжает жить в лице его преемников. Убивающая тело и душу человека страшная сила деспотизма сохранилась и до пушкинского времени.

Никто до Пушкина не проникал так глубоко в сущность деспотической силы самодержца. Нигде Пушкин не говорил об этом с такой ясностью и глубиной, как в «Медном всаднике». В этом смысле «Медный всадник» — одно из наиболее насыщенных философско-историческим и политическим содержанием произведений Пушкина.

¹ А. С. Пушкин. К вельможе. Соч., т. III, стр. 171.

Как формировалось историческое мировоззрение Пушкина? Ему было тринадцать лет, когда началась Отечественная война 1812 г. Впечатления от этой великой эпопеи были одними из первых, вошедших в его рано начавшее формироваться сознание и оставивших в нем глубокий след на всю жизнь: совсем незадолго до своей смерти он вспоминал в стихотворении о лицейской годовщине (1836) о пережитом им патриотическом подъеме в словах, свидетельствующих, что и через четверть века воспоминания о нем не утратили своей свежести. Война 1812—1814 гг. поставила перед всей передовой дворянской интеллигенцией проблему народа. Встала она и перед Пушкиным.

Постоянно возвращаясь к мысли об Отечественной войне, Пушкин понял, что народ не может быть объектом истории, что он является действующим лицом ее, причем главным действующим лицом. Роль дворянской массы в Отечественной войне стала ему ясна. Эту роль Пушкин с едким сарказмом определил в «Рославлеве»: «...все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».¹ У Пушкина явилась потребность ближе познакомиться с прошлым того народа, который на глазах у него совершил великий подвиг спасения Родины и освобождения Европы от наполеоновского ига, народа, который на своих плечах вынес все испытания, выпавшие на долю Родины за все ее многовековое существование.

Чем пристальнее изучал Пушкин историю русского народа, тем сильнее росли в нем любовь и уважение к народу. «Клянусь честью, — писал Пушкин Чаадаеву, — ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»² Множество раз он говорил о своей глубокой привязанности к Родине и родному народу и всей своей деятельностью показал, что это не простые слова. Гневным презрением клеймил он тех, кто был лишен этого чувства.

Но народные силы не могут быть исчерпаны в борьбе народа за свою национальную независимость. История великого народа не сводилась только к тому, что он подымался на борьбу то с татарами, то со шведами, то с Наполеоном. Если бы Пушкин рассуждал так, он не имел бы оснований говорить о Разине, как о единственном поэтическом лице нашей истории, он не написал бы ни «Капитанской дочки», ни «Истории Пугачева», ни «Кинжала», ни «Вольности», ни посланий к декабристам и к Чаадаеву. Пушкин понимал, что современная ему история определяется не только событиями 1812—1815 гг. Вслед за падением наполеоновской империи поднялась новая волна народного движения, направленного не против того

¹ А. С. Пушкин. Рославлев. Соч., т. VI, стр. 206.

² А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 595 (подлинник по-французски; перевод текста — стр. 867).

врага, который раз в столетие появлялся у границ отечества, грозя его целостности и независимости, а постоянно, на протяжении уже многих веков, изо дня в день вел борьбу с народом, отвоевывая у него драгоценный дар — свободу. После 1815 г. народное движение, направленное против помещиков и правительства, приняло широкие размеры. К этому движению, так же как и к национально-освободительной борьбе в Западной Европе, с величайшим вниманием относились декабристы. С таким же вниманием всматривался в развитие борьбы народов и Пушкин, связанный с декабристами самыми тесными узами идейного родства.

Так возникает острый интерес Пушкина к прошлому своей страны и своего народа.

Пушкин шел к истории не потому, что он хотел уйти от современности, а потому, что современность толкала его к изучению прошлого. Гениальный ум поэта и безграничная широта его кругозора подсказывали ему, что осмыслить современность, понять то, что составляет основное содержание ее, нельзя без обращения к прошлому. С исчерывающей ясностью и абсолютной точностью он сам выразил это в следующих словах своего отзыва об «Истории Малороссии» Г. Кониского: «...о д н а т о л ь к о и с т о р и я н а р о д а м о ж е т о б ь я с н и т ь и с т и н н ы е т р е б о в а н и я о н о г о...» (разрядка моя.— А. П.)¹

Отсюда и интерес Пушкина к социальной борьбе и классовым конфликтам. В преддекабристский период этот интерес нашел свое наиболее яркое выражение в «Борисе Годунове». Как будто в ответ на призыв В. Ф. Раевского в послании «К друзьям» (1822) —

Пора друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена,—²

как будто отвечая на этот призыв, Пушкин написал трагедию, один из вариантов названия которой был таков: «Летопись о многих мятежах». После восстания декабристов интерес Пушкина к движениям народных масс не только не потускнел, но и, напротив, усилился. Уже в 30-х годах были созданы «История Пугачева» и «Капитанская дочка», в которых с полной ясностью и определенностью говорилось о непримиримости интересов народа и господствующих классов. В замечаниях к «Истории

¹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа Белорусского... Соч., т. VII, стр. 335.

² В. Ф. Раевский. К друзьям. Сб. «Поэты-декабристы». Б-ка поэта, Сов. писатель, Л., 1949, стр. 251.

Пугачева» Пушкин писал: «Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны».¹

Так современность и история сливались в представлении Пушкина в единое и неразрывное целое.

Так выработывался в нем тот историзм мышления, который составляет одну из примечательнейших сторон его мировоззрения и который в той или иной степени нашел свое отражение во многих и многих его произведениях.

Интерес Пушкина к истории, постоянное обращение его к историческим сюжетам, историзм его мышления оказали на развитие русской общественно-политической мысли громадное влияние. Пушкин — первая книга у всякого начинающего учиться читать. Персонажи «Капитанской дочки», «Бориса Годунова», «Медного всадника» и других произведений, написанных на исторические темы, знакомы и близки каждому русскому человеку с детских лет. С толкованием Пушкина образов Пугачева или Петра ребенок знакомился раньше, чем он поступал в школу. И как бы ни старалась дореволюционная казенно-школьная история привить школьнику такое толкование образов Пугачева или Петра, какое соответствовало требованиям самодержавно-крепостнического государства, представление о человечности Пугачева и грозной силе Петра, внушенное Пушкиным его читателям, оставалось неизгладимым на всю жизнь. Сила гения Пушкина перевешивала упорную и длительную работу казенных школьных воспитателей. Неизмерима заслуга Пушкина в деле пропаганды исторических знаний, пропаганды, воспитывавшей ненависть к деспотизму и любовь к угнетенному народу.

У тех дореволюционных читателей Пушкина, которые внимательно вчитывались в произведения поэта и научались с течением времени понимать их глубокий смысл, историзм Пушкина разрушал веру в неизменность и неизбежность того социально-политического строя, при котором они жили. Так воспитывалась в них Пушкиным воля к борьбе за свободу.

Русская художественная литература всегда была насыщена высоким идейно-политическим содержанием. Нельзя не вспомнить замечательных слов Герцена, сказанных им о русской литературе: «Литература у народа, не имеющего политической свободы, единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совети».² Передовая русская художественная литература оказывала могучее

¹ А. С. Пушкин. История Пугачева. Замечания о бунте. Соч., т. VIII, стр. 357—358.

² А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пг., 1917, стр. 350.

революционизирующее влияние на поколения русских людей. Ее воздействие нельзя не принять во внимание при объяснении того беспримерного в истории человечества идейно-политического развития русского народа, которое сделало Россию родиной социализма, родиной величайших гениев человечества — Ленина и Сталина. В ряду русских писателей, создавших произведения, оказывавшие наиболее действенное революционизирующее влияние на народные массы, Пушкину принадлежит одно из самых видных и значительных мест.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.С. ПУШКИН

1799 ~ 1949

МАТЕРИАЛЫ
ЮБИЛЕЙНЫХ
ТОРЖЕСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

1951
